МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.03.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3849-2026-4-331-336
Дата принятия рукописи в печать: 25.04.2026 г.

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,

ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация,

e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ПЫРЧЕНКОВА Галина Степановна,

доцент кафедры иностранных языков Академии управления МВД России, кандидат филологических наук, доцент,

e-mail: galapyrchenkova@mail.ru

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ

Аннотация. *Автор рассматривает глобальные тенденции использования тюремного заключения в мировом сообществе. Указывается на рост числа заключенных во всем мире, увеличение доли женщин-заключенных, заключенных-мигрантов или представителей меньшинств гражданского населения страны. Отмечается рост приватизации тюрем и переполненности тюрем в мировом сообществе. Выявлено растущее внимание к программам реабилитации заключенных. Автор приходит к выводу, что изучение глобальных тенденций в пенитенциарной практике содержания и реабилитации заключенных имеет ценность для распространения положительного опыта в мировом сообществе, а также для выдвижения стратегических инициатив, направленных на снижение уровня тюремного заключения и возобновление внимания к условиям содержания и реабилитации правонарушителей в тюрьмах.*

Ключевые слова: *пенитенциарная система, тюремное заключение, глобальные тенденции, реабилитация заключенных.*

BAZHANOV Sergey Andreevich,

Leading Researcher of the Department for the Improvement of Normative and Legal Regulation of the Activities of the Penitentiary System of the Center for the Study of Management Issues and the Organization of Penal Enforcement in the Penitentiary System of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences Moscow, Russian Federation

PYRCHENKOVA Galina Stepanovna,

Associate Professor of the Foreign Languages Department of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

GLOBAL TRENDS IN THE USE OF IMPRISONMENT IN THE WORLD COMMUNITY

Annotation. *The author examines global trends in the use of imprisonment in the global community. He points out the growing number of prisoners worldwide, the increasing proportion of female prisoners, migrant prisoners, and minority prisoners of the country's civilian population. The article highlights the increasing privatization of prisons and the overcrowding of prisons in the global community. The author also identifies the growing focus on prisoner rehabilitation programs. The author concludes that studying global trends in penitentiary practices for the detention and rehabilitation of prisoners is valuable for disseminating positive experiences in the global community, as well as for promoting strategic initiatives aimed at reducing the level of imprisonment and re-emphasizing the importance of prison conditions and the rehabilitation of offenders*.

Key words: *penitentiary system, imprisonment, global trends, rehabilitation of prisoners.*

В последние десятилетия во многих странах мира наблюдается стремительный и неуклонный рост использования тюремного заключения в качестве меры реагирования на преступность и социальные беспорядки. Несмотря на призывы к реформам и сокращению численности тюремного населения в мировых тюрьмах, численность заключенных в исправительных учреждениях продолжает расти во всех регионах мира. При изучении последних тенденций изменения численности заключенных в мировых тюрьмах стоит учитывать тот факт, что почти половина мирового тюремного населения содержится всего в трех странах: США, Китае и Российской Федерации. Две из этих стран (США, Китай) продолжают увеличивать численность заключенных в тюрьмах, а также уровень заключения под стражу, с 2000 года. В отличие от них, Российская Федерация значительно сократила как число заключенных, так и уровень заключения под стражу без увеличения уровня преступности. Значительная тенденция к сокращению тюремного населения в Российской Федерации отмечается и зарубежными исследователями, при этом особенно примечательно снижение общей численности заключенных в Российской Федерации на 37% в период с 2000 по 2015 год [1, с. 423].

Причины роста численности заключенных сложны, но многие последствия очевидны. Чрезмерное использование тюремного заключения приводит к переполненности, негуманным и унижающим достоинство условиям содержания под стражей. Это непропорционально сильно вредит бедным и маргинализированным группам населения во всех обществах. Это ограничивает возможности тюремных систем эффективно справляться с заключенными, представляющими серьезную угрозу общественной безопасности, и, по сути, увеличивает риски, создаваемые заключенными (как для себя, так и для других внутри и за пределами тюремных стен). Чрезмерное использование тюремного заключения также накладывает огромные издержки на государственный бюджет.

Вероятный ответ на вопрос о причинах роста численности заключенных в мировом сообществе заключается, в том числе, и в том, что гораздо проще маргинализировать людей, живущих в неблагополучных, бедных районах, и реагировать карательными мерами на их преступное поведение, когда оно происходит, чем решать основные проблемы – бедность, неравенство, нехватку ресурсов/возможностей, отсутствие процессуальной справедливости, – которые являются основными факторами, определяющими уровень преступности в мировых сообществах.

В экспертном мировом сообществе отсутствуют исследования, безоговорочно подтверждающие наличие закономерной связи между уровнем преступности и ростом тюремного населения. Эту глобальную точку зрения подтверждает, например, тот факт, что в Соединенных Штатах численность заключенных увеличилась на 279 518 человек в период с 2000 по 2013 год, в то время как уровень всех основных насильственных преступлений снизился. [1, с. 430]. С другой стороны, есть страны по всему миру (например, Индия), где уровень тюремного заключения всегда был относительно низким, и в которых это остается неизменным.

Показатели численности заключенных значительно различаются между различными регионами мира и между различными частями одного и того же континента. Эти различия, вероятно, являются результатом решений, принятых в уголовном судопроизводстве конкретной страны в отношении квалификации преступлений и определения соответствующих (в том числе, тюремных) санкций за эти преступления.

Проведенный Д. Б. Вайссом и Д. Л. Маккензи сравнительный анализ политики вынесения приговоров в Соединенных Штатах, Германии, Финляндии, Англии и Уэльсе, а также Шотландии, показал, что в Соединенных Штатах чрезмерно используется тюремное заключение, а штрафы используются недостаточно по сравнению с другими (перечисленными выше) странами, в которых штрафы являются предпочтительной мерой [2]. Сравнение между Соединенными Штатами и некоторыми европейскими странами показывает, что «существенное отличие Соединенных Штатов заключается в длительности назначаемых сроков и среднем сроке отбывания наказания за преступление» [3, с. 81].

В недавнем обзоре численности заключенных, осужденных за преступления, связанные с наркотиками, Р. Аллен отметил, что в Таиланде 65% заключенных составляют лица, осужденные за преступления, связанные с наркотиками (как правило, за хранение), а сопоставимые показатели в Соединенных Штатах составляют 16,8% для заключенных тюрем американских штатов и 49% для заключенных федеральных тюрем [4]. В сравнении с другими странами мира было установлено, что Соединенные Штаты – за некоторыми заметными исключениями – более агрессивно применяют существующие законы, запрещающие употребление наркотиков и имущественные преступления, и также более суровы в вынесении приговоров осужденным за наркопреступления и

имущественные преступления [5].

Что касается типологии правонарушителей, помещенных в тюрьмы, в целом, в настоящее время глобальное тюремное население состоит из лиц, которые, вероятно, бедны; не имеют адекватной работы, образования и медицинского обслуживания; составляют меньшинство в странах, где они проживают. Хотя многие из этих лиц были заключены в тюрьму за то, что были осуждены за насильственные преступления (например, в Соединенных Штатах около половины всех правонарушителей в федеральных тюрьмах были осуждены за насильственные преступления), значительное число заключенных находятся в тюрьме из-за злоупотребления психоактивными веществами, которое либо привело к их аресту за хранение наркотиков, либо побудило их грабить, воровать и/или торговать наркотиками для поддержания своей наркотической зависимости.

Следует отметить растущую тенденцию мировых пенитенциарных систем, которая заключается в том, что значительную часть глобального тюремного населения составляют заключенные-мигранты или представители меньшинств гражданского населения страны. Это особенно важно для стран, в которых заключенные-мусульмане в тюрьмах представлены в непропорционально большей доле по сравнению с общей численностью населения страны, как, например, в США, Испании, Нидерландах, Великобритании и Франции. Например, в Англии и Уэльсе, Соединенных Штатах и Бразилии доля чернокожих и лиц смешанной расы в тюрьмах значительно превышает таковую в общей численности населения; то же самое относится к коренным народам Австралии. Несмотря на то, что цыгане составляют всего 6% населения Венгрии их доля в заключенных может достигать 40% [6, с.20].

Типичный заключенный в мировых тюрьмах – мужчина, однако, доля женщин-заключенных во всем мире растет, при этом уровень заключения женщин растет быстрее, чем уровень заключения мужчин. Согласно недавнему обзору Управления ООН по наркотикам и преступности (UNDOC), общее число женщин-заключенных (которые составляют от 5 до 8% тюремного населения) выросло на 26% в период с 2004 по 2012 год – рост, значительно превышающий рост числа мужчин (11%) [7, с. 22].

Можно выделить еще одну общую характеристику мирового тюремного населения: около 30% заключенных ранее уже отбывали наказание [7]. Это можно рассматривать как еще один импульс к реформе пенитенциарной системы и разработке стратегий, направленных на изменение как самих правонарушителей высокого риска, так и сообществ высокого риска, в которых они проживают [8]. Возможно также, что пенитенциарная практика стран с низким уровнем тюремного заключения (например, Япония) и низким уровнем рецидивизма (например, Финляндия) должна найти отклик у политиков и законодателей в странах с высоким уровнем как тюремного заключения, так и рецидивизма [9].

Для небольшого числа стран, имеющих доступные данные о рецидивизме, трудно определить тюремную систему, которую можно было бы классифицировать как успешную, используя стандартный показатель эффективности тюремной системы (например, повторное заключение в течение трехлетнего периода наблюдения после освобождения). Скандинавские страны (Норвегия, Швеция, Финляндия и Дания) в последнее время приводятся в качестве примеров успешных тюремных, однако подробные оценки эффективности этих систем исправительных учреждений до настоящего времени не проводились Хотя нет универсального показателя, который можно было бы использовать для различения тюрем с высокими показателями эффективности от тюрем с низкими показателями, ряд исследователей предположили, что такие глобальные показатели эффективности могут быть разработаны, а полученные рейтинги лучших и худших тюремных систем мира должны быть опубликованы, обсуждены и использованы для улучшения пенитенциарной системы [10].

Тюремные системы различаются от страны к стране по таким основным параметрам, как цель заключения, условия содержания в тюрьмах, срок заключения, доступ к лечению и медицинскому обслуживанию, степень переполненности и уровень тюремного насилия. Хотя каждый из этих показателей предоставляет важную информацию о тюремном населении, именно уровень переполненности тюрем является, пожалуй, наиболее показательным. Проведенный зарубежными исследователями анализ индикатора переполненности тюрем 17 стран, показал, что показатели заполняемости превышали 100% в 15 из 17 стран, которые предоставили эту информацию, в то время, как в двух странах показатели заполняемости были ниже 100%: Российская Федерация (94,2% заполняемости и сокращение тюремного населения на 37%) и Польша (88,5% заполняемости и увеличение тюремного населения на 7,9%) [1, с. 435]. Сильно переполненные исправительные учреждения в сочетании с небезопасными, если не антисанитарными, условиями содержания и небезопасной питьевой водой являются причиной большинства медицинских проблем у

заключенных. В 2015 году судья Конституционного суда Эдвин Кэмерон провел инспекцию следственной тюрьмы Полсмур в пригороде Кейптауна, Токай, Южная Африка. В своем отчете он описал условия в тюрьме, которая работала с загрузкой более 300%, как глубоко тревожные и требующие конституционного регулирования. [6, с.8].

Перенаселенность в сочетании с острой нехваткой персонала часто приводит к бунтам и насилию в тюрьмах. Так, например, в бразильской тюрьме штата Рорайма, где погибло 33 заключенных, содержалось более 1400 человек в условиях, рассчитанных на половину этого числа, а в штате Сан-Паулу один охранник контролирует от 300 до 400 заключенных [11].

Согласно аналитическому обзору Организации Объединенных Наций, «для многих стран переполненность тюрем является симптоматическим признаком более широких проблем, таких как перегруженные и неэффективные системы правосудия, неподготовленные и коррумпированные сотрудники правоохранительных органов или неэффективное управление и низкая оплата труда персонала тюрем» [12]. В этом контексте представляется логичным предположить, что любая инициатива по реформированию тюрем должна разрабатываться в рамках более широкой реформы уголовного правосудия с учетом улучшения условий содержания заключенных в тюрьмах.

Еще одна набирающая популярность глобальная тенденция в сфере исправительных учреждений, которую необходимо учитывать, – это приватизация тюрем и исправительных учреждений. Частные коммерческие тюрьмы значительно расширились в последние годы и предлагают государственным служащим альтернативу государственному управлению и контролю над тюрьмами и заключенными. По доле заключенных, находящихся под управлением частных корпораций, Австралия лидирует: 19% всех заключенных содержатся в частных тюрьмах, за ней следуют Шотландия (17%), Англия и Уэльс (14%) и Новая Зеландия (11%). В Соединенных Штатах примерно 8% федеральных и государственных заключенных содержатся в частных коммерческих тюрьмах, в то время как в Южной Африке примерно 4% находятся в частных коммерческих тюрьмах [1, с. 436]. Частный сектор также активно внедряется в систему исправительных учреждений на уровне общин в Соединенном Королевстве, стратегия, которая также рассматривается правительствами штатов по всей Австралии [13]. Для многих наблюдателей за этой тенденцией ключевым моментом станет сравнительная эффективность (включая экономическую эффективность) управления тюрьмами в государственном и частном секторах.

Нельзя не упомянуть и тенденции уголовного правосудия и тюремной практики, доставшиеся ряду государств в результате колониального управления и реализующиеся в том, что определенные социальные или этнические группы становятся мишенью для чрезмерного наказания. Так, статистика австралийской системы уголовного правосудия рисует картину массовой криминализации и тюремного заключения коренного населения по всей стране. Эту точку зрения поддерживают М. Финнан и Дж. Макгуайр, которые описывают ряд стратегий осуществления социального контроля над коренным населением Австралии, включая применение смертной казни и телесных наказаний, а также заключение в резервациях и миссиях, начиная с первых лет британского заселения и до 1960-х годов, после чего страна стала свидетелем «неизбежного попадания большого числа лишенных собственности жертв колонизации в государственные пенитенциарные системы» [14, с. 294].

Наряду с наличием проблем в мировой пенитенциарной системе, нельзя не отметить и глобальные тенденции поиска путей их решения. Ряд зарубежных исследователей реформ зарубежной пенитенциарной системы выявили растущее внимание к реабилитации правонарушителей, как в тюремных, так и в общинных исправительных учреждениях. Результаты проведенных исследований также продемонстрировали значительное, но относительно небольшое долгосрочное сокращение численности заключенных, при увеличении возможностей и качества лечения. Авторы исследования приходят к выводу о необходимости разработки политики в области исправительных учреждений, а также к найму персонала в сфере исправительных учреждений, основанной на новой цели исправительной системы: индивидуальной и общественной реабилитации [1].

Современные зарубежные стратегии снижения уровня тюремного заключения направлены также на проведение реформ в политике вынесения приговоров и расширения альтернативных санкций. Доказательства в поддержку этих стратегических инициатив можно найти в нескольких недавних систематических обзорах, основанных на фактических данных [10, 13]. Согласно недавнему обзору Р. Аллена, наблюдается значительная вариация в использовании альтернативных санкций внутри и между глобальными регионами [4]. Альтернативные санкции включают штрафы и

общественные работы; условное освобождение; интенсивный надзор/электронный мониторинг; исправительные учреждения в жилых районах; лагеря для трудных заключенных; использование наркосудов для управления определенными категориями наркопреступников и др. Однако, поскольку нет глобальной базы данных, подробно описывающей использование альтернативных санкций в каждой стране, не существует и оценка связи между доступностью различных стратегий, основанных на участии сообщества, и использованием тюремного заключения в той или иной стране. В отдельных исследованиях, однако, сообщалось, что штрафы и общественные работы используются гораздо чаще в некоторых европейских странах, чем в Соединенных Штатах [2]. Р. Аллен отмечает, что использование электронного мониторинга растет в Европе и Южной Америке [4], в то время как Дж. Бирн сообщил, что менее 5% населения, находящегося под надзором в обществе в Соединенных Штатах, находятся под надзором посредством электронного мониторинга, что примерно соответствует показателю 1990 года [10].

Другие исследователи указывают на необходимость набора, обучения и удержания нового поколения сотрудников исправительных учреждений, обладающих навыками консультирования, наставничества и защиты интересов, аналогичными навыкам сотрудников исправительных учреждений в странах с выраженной реабилитационной ориентацией, (например, Австралия, Норвегия, Швеция и Великобритания) Эти и другие тенденции привели к тому, что ряд стран с наибольшей численностью заключенных – Российская Федерация, Южная Африка и Пакистан – сообщили о сокращении численности заключенных [1, с. 422].

Хотя проблема преступности в каждой стране уникальна, изучение глобальных тенденций в пенитенциарной практике содержания и реабилитации заключенных имеет ценность, прежде всего для оценки высокоэффективных примеров и распространения положительного опыта в мировом сообществе, а также для выдвижения стратегических инициатив, направленных на снижение уровня тюремного заключения и возобновление внимания к условиям содержания и реабилитации правонарушителей в тюрьмах.

Список литературы:

[1] Byrne J. M., Pattavina A., Taxman F. S. International Trends in Prison Upsizing and Downsizing: In Search of Evidence of a Global Rehabilitation Revolution. – Victims & Offenders, 2015, pp. 420-451.

[2] Weiss, D. B., MacKenzie, D. L. A global perspective on incarceration: How aninternational focus can help the United States reconsider its incarceration rates. – Victims & Offenders, 5, 2010, pp. 268–282.

[3] Byrne, J. M., Hummer, D. Thinking globally, acting locally: Applying international trends to reentry partnerships in the United States. International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice, 29, 2005, pp. 79–96.

[4] Allen, R. Global prison trends 2015. London, UK: Penal Reform International, 2015.

[5] Lynch, J. P., Pridemore, W. A. Crime in international perspective. – Crime and public policy, Volume 5, 2011, pp. 5-52.

[6] Jacobson J., Heard C., Fair H. Prison: Evidence of its use and over-use from around the world. – Institute for Criminal Policy Research, Birkbeck, University of London, 2017, 48 pp.

[7] United Nations Office of Drugs and Crime (UNDOC). 2013 global study on homicide: Trends, context, data. – Vienna, Austria: United Nations, 2014.

[8] Byrne, J. M. Global perspectives on victims, offenders, and communities. – Victims & Offenders, volume 8, 2013, pp. 347–356.

[9] Larson, D. Why scandanavian prisons are superior. // http://www.theatlantic.com/international/archive/2013/09/whyscandinavian-prisons-are-superior/279949/ (дата обращения 24.12.2025).

[10] Byrne, J. M. The future of justice reinvestment-assessing the merits of individualand community change strategies. – Victims & Offenders, volume 9, 2014, pp. 1–5.

[11] BBC News: “Brazil prison riots: What’s the cause?” 7 January 2017 // www.bbc.co.uk/news/world-latin-america-38534769 (дата обращения 24.12.2025).

[12] United States Department of State. Report on international prison conditions. – Washington, DC: Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor, 2013.

[13] Byrne, J. M. After the fall: Assessing the impact of the great prison experiment on future crime control policy. – Federal Probation, 77 (3), 2013, pp. 3–14.

[14] Finnane, M. and McGuire, J. “The uses of punishment and exile: Aborigines in colonial Australia.” – Punishment & Society, v. 3 (2), 2001, pp. 279-298.

References:

[1] Byrne J. M., Pattavina A., Taxman F. S. International Trends in Prison Upsizing and Downsizing: In Search of Evidence of a Global Rehabilitation Revolution. – Victims & Offenders, 2015, pp. 420-451.

[2] Weiss, D. B., MacKenzie, D. L. A global

perspective on incarceration: How aninternational focus can help the United States reconsider its incarceration rates. – Victims & Offenders, 5, 2010, pp. 268–282.

[3] Byrne, J. M., Hummer, D. Thinking globally, acting locally: Applying international trends to reentry partnerships in the United States. International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice, 29, 2005, pp. 79–96.

[4] Allen, R. Global prison trends 2015. London, UK: Penal Reform International, 2015.

[5] Lynch, J. P., Pridemore, W. A. Crime in international perspective. – Crime and public policy, Volume 5, 2011, pp. 5-52.

[6] Jacobson J., Heard C., Fair H. Prison: Evidence of its use and over-use from around the world. – Institute for Criminal Policy Research, Birkbeck, University of London, 2017, 48 pp.

[7] United Nations Office of Drugs and Crime (UNDOC). 2013 global study on homicide: Trends, context, data. – Vienna, Austria: United Nations, 2014.

[8] Byrne, J. M. Global perspectives on victims, offenders, and communities. – Victims & Offenders, volume 8, 2013, pp. 347–356.

[9] Larson, D. Why scandanavian prisons are superior. // http://www.theatlantic.com/international/archive/2013/09/whyscandinavian-prisons-are-superior/279949/ (дата обращения 24.12.2025).

[10] Byrne, J. M. The future of justice reinvestment-assessing the merits of individualand community change strategies. – Victims & Offenders, volume 9, 2014, pp. 1–5.

[11] BBC News: “Brazil prison riots: What’s the cause?” 7 January 2017 // www.bbc.co.uk/news/world-latin-america-38534769 (дата обращения 24.12.2025).

[12] United States Department of State. Report on international prison conditions. – Washington, DC: Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor, 2013.

[13] Byrne, J. M. After the fall: Assessing the impact of the great prison experiment on future crime control policy. – Federal Probation, 77 (3), 2013, pp. 3–14.

[14] Finnane, M. and McGuire, J. “The uses of punishment and exile: Aborigines in colonial Australia.” – Punishment & Society, v. 3 (2), 2001, pp. 279-298.

